

Научная статья

УДК 347.9

ДОКТРИНА КАК ИСТОЧНИК ПРАВА И ОРИЕНТИР ДЛЯ СУДА ПРИ ОБОСНОВАНИИ ЕГО ПОЗИЦИИ

**Щербик Дмитрий, к.ю.н., доцент, Белорусский государственный
университет, Минск, Беларусь, dshcherb_mnsk@bk.ru**

Аннотация

Целью статьи является уточнение фактического значения доктрины как источника права и ориентира для суда при обосновании его позиции. Проблема определяется тем фактом, что указанный феномен демонстрирует свою двойственность, обусловленную возможностью понимания доктрины и как обязательного юридического документа, содержащего правовые нормы, и как теоретической основы, включающей научные труды и практические материалы, используемые в практике правотворчества и судопроизводства. Конкретные критерии правовой оценки такого источника отсутствуют в законе. Тем не менее, основные подходы, встречаются в правотворчестве и науке, выделены в статье, им дана авторская оценка. Принципиальным названо противоречие между пониманием феномена доктрины в судебных актах и в рамках подзаконного нормативного регулирования. При рассмотрении распространенного в судебной практике подхода приведены некоторые судебные акты. Подход, применяемый в нормативном правовом регулировании, проиллюстрирован на основе указов Президента РФ, утвердивших ряд доктрин государственной политики на федеральном уровне. Изложены предложения, характеризующие авторские взгляды на понятие доктрины и её роль как ориентира для суда, в том числе с обоснованием целесообразности сохранения подходов, используемых ныне судами.

Ключевые слова: доктрина, источник права, неформальный источник права, обоснование позиции суда, правовая система, правовые ориентиры

Статья поступила в редакцию 12.03.2025, одобрена после рецензирования 23.04.2025, принята к публикации 09.06.2025.

Original article

DOCTRINE AS A SOURCE OF LAW AND A GUIDELINE FOR THE COURT IN SUBSTANTIATING ITS POSITION

Dmitry Shcherbik, Candidate of Law, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

The purpose of the article is to clarify the actual meaning of the doctrine as a source of law and a guideline for the court in substantiating its position. The problem is determined by the fact that this phenomenon demonstrates its duality due to the possibility of understanding the doctrine both as a binding legal document containing legal norms and as a theoretical framework that includes scientific papers and practical materials used in the practice of law-making and judicial proceedings. There are no specific criteria for the legal assessment of such a source in the law. Nevertheless, the main approaches found in law-making and science are highlighted in the article, they are given an author's assessment. The contradiction between the understanding of the doctrine phenomenon in judicial acts and in the framework of subordinate regulatory regulation is called fundamental. When considering the approach common in judicial practice, some judicial acts are given. The approach used in regulatory legal regulation is illustrated on the basis of the decrees of the President of the Russian Federation, which approved a number of public policy doctrines at the federal level. The proposals characterizing the author's views on the concept of doctrine and its role as a guideline for the court are presented, including justifying the expediency of preserving the approaches currently used by the courts.

Keywords: doctrine, source of law, informal source of law, justification of the court's position, legal system, legal guidelines

Введение

Феномен доктрины в современном праве имеет очень неопределённое значение. С одной стороны, доктрина рассматривается как некая научная основа для формирования тех или иных правовых взглядов на правовую проблематику и условно может стать основой для разработки и принятия нормативных правовых актов (далее – НПА). Тем не менее, отсутствие упоминания о доктрине (доктринальных источниках) в Основном Законе страны, подавляющем большинстве федеральных законов и подзаконных НПА, даёт основания для её рассмотрения лишь как некой неформальной основы. Упоминание о доктрине в отдельных актах, имеющих правовое значение, не позволяет полностью игнорировать и отрицать ее роль в правовой системе государства. Она не может рассматриваться как исключительно научно- теоретическая ценность, не играющая никакой нормативной роли.

Такая двойственность взглядов на доктрину означает и необходимость поиска ответа на вопрос о её подлинной правовой природе и юридическом значении в правовой системе государства.

Целью статьи является уточнение фактического значения доктрины как источника права и ориентира для суда при обосновании его позиции.

Основная часть

Из всего множества определений, встречающихся в юридической литературе, достаточно выбрать некоторые, которые в общем виде отражают всю широту взглядов на феномен доктрины, которые имеют место быть в отечественном праве. И среди определений, которые с теоретической точки зрения наиболее точно характеризуют понятие доктрины, отметим формулировку, предложенную В.И. Слободчиковым. Он описывает доктрину в качестве главного идеологического документа, используемого при формировании государственной политики, соответственно, в качестве некоторого фундамента любого нормативно-правового акта в определенной сфере отношений [11, с. 25–26].

То есть основными качествами доктрины указанный автор считает ее способность быть основой для всех последующих НПА и идеологичность. Последнее качество представляется важным не только с точки зрения обеспечения нормативного регулирования, но и с точки зрения решения задач правового воспитания.

Научный аспект доктрины в данном случае не подчеркнут, однако это не значит, что он отсутствует вовсе. Более того, научный аспект в отдельных случаях, когда имеют место ссылки на доктрину, даже является превалирующим над нормативно-правовым (регулятивным) аспектом. Этот нюанс будет показан при анализе судебной практики в рамках настоящей статьи позднее.

А.А. Васильев правовую так сущность юридической доктрины усматривает в отражаемой в ней правовой действительности, а также в выполнении доктриной идеологической и воспитательной функций, обеспечивающих возможность регулирования общественных отношений. При этом, по мнению данного автора, доктрина представляет собой систему идей о праве, которые выражают определённые социальные интересы. Сами же идеи доктрины он понимает как официально признаваемые государством обязательными путём ссылки на труды авторитетных знатоков права в нормативно-правовых актах или юридической практикой в силу их авторитета и общедоступности. Также, по мнению А.А. Васильева, доктрина представляет и объективированный источник права [7, с. 7].

Такие взгляды в общем-то можно считать обоснованными. Более того, они заслуживают в целом поддержки. Но с некоторыми нюансами автор статьи все же считает возможным не согласиться. Например, объективированный характер доктрины не вполне понятен, поскольку судебный орган, ссылаясь на труды тех или иных исследователей, во многом остаётся субъективным, по крайней мере, при решении вопроса о том, на какой именно источник, относимый к доктрине, следует сослаться.

Особенно субъективная составляющая становится заметной, если учесть, что определение научной значимости каждой конкретной научной работы – это вопрос субъективных взглядов, и лишь некоторые из них объективируются в рамках нормативно-правового признания.

Согласимся мнением В.В. Шаханова в том, что понятие правовой доктрины в целом синонимично понятию юридической доктрины, и образуют её не все источники, которые составляют юридическую науку, а лишь те из них, которые можно назвать наиболее авторитетными, получившими широкую поддержку в научном сообществе. Это также и определённое учение или теория, результат системного изложения определённых взглядов. Итоги же побочной деятельности, представленные разовыми высказываниями, оценками, доктрину не составляют [12, с. 27].

Несмотря на то, что в целом в рамках данной статьи позиция указанного автора в части взглядов на феномен доктрины поддерживается, нельзя не отметить некоторые весьма спорные аспекты.

Во-первых, не совсем понятно, что именно следует расценивать в качестве широкой поддержки научного сообщества. Если цитируемость, показатели цитирования научных публикаций, то возникает вопрос о том, какие именно показатели брать за ориентир? Является ли достаточным признание того или иного автора кандидатом, доктором наук, чтобы его труды цитировать как доктринальный источник? На эти и многие другие связанные вопросы можно ответить лишь субъективно. Например, автор полагает, что диссертацию кандидата юридических наук, как и диссертацию доктора юридических наук, вполне уместно цитировать в качестве доктринального источника.

Однако, большинство научных публикаций имеют иной статус: это научные статьи, монографии, учебники, словари и пр. Причем в них тоже зачастую отражена информация не менее значимая, нежели информация, представленная в диссертациях. Можно ли их использовать в качестве доктринальной основы? Вопрос спорный.

На основе обобщения различных взглядов, выражаемых в научных трудах, выделены несколько позиций относительно понимания сущности доктрины. Первая группа авторов полагает, что доктрина не должна рассматриваться как официальный источник российского права. Вторая группа авторов считает, что позиции учёных, отрицающих важную роль доктрин, не может однозначно ни поддерживаться, ни опровергаться. Третья группа исследователей предлагает рассматривать доктрину как официальный источник права [9].

Здесь, конечно же, не учтён тот факт, что некоторые источники, имеющие нормативное воплощение сами именуются доктриной, и очевидно, что речь в данном случае идёт именно не о них, а именно о научно-теоретических трудах. В этой связи уместно согласиться с теми, кто усматривает доктрину в качестве некоторого промежуточного элемента.

Нельзя усомниться в том, что сам феномен доктрины по своей природе чрезвычайно многоаспектен, что подчёркивается и в литературе [8, с. 47]. Именно эта особенность доктрины как источника права и источника научно-теоретических идей затрудняет понимание ее природы и правовой роли. Поэтому уместно отметить двойственность феномена доктрины. То есть доктрина может быть рассмотрена и в контексте науки, и в контексте правовых источников, издаваемых органами государственной власти.

Нельзя не упомянуть и о возможности рассмотрения доктрины в широком и узком аспектах. Если говорить о доктрине широко, то она является некоторой системой ключевых теоретических концепций, определяющих вектор развития отечественного права. Это и различные политические документы, разрабатываемые органами власти, и теоретические труды, и идеи, выражаемые в научных исследованиях. В узком же смысле доктрину представляют позиции компетентных органов, наделённых властью по поводу принципов и прочих базовых положений, получивших официальное признание, формальное определение. В этой связи к доктрине можно отнести, например, позиции, изложенные в актах Конституционного Суда РФ. Думается, что в качестве

доктринальных положений можно рассматривать и идеи, отражённые в ежегодных посланиях Президента РФ федеральному собранию. В таком случае доктринальный статус научных исследований может быть поставлен под сомнение. Однако, учитывая сложившуюся судебную практику, данный взгляд был бы ошибочен.

В настоящее время официально действует достаточно широкий круг доктрин, отражающих государственную политику Российской Федерации и принимаемых на федеральном уровне, прежде всего, Президентом РФ. Ярким примером является Указ Президента РФ от 31.07.2022 № 512 (ред. от 13.08.2024) «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» [1]. В нём говорится, в частности, что это документ стратегического планирования, отражающий совокупность официальных взглядов на национальную политику и деятельность. Это доктрина в максимально узком смысле слова. Однако было бы правильнее сказать, что это акт Президента даёт более точные представления о его роли как нормативного акта и о его месте в иерархии НПА, закреплённой в Конституции РФ.

Суды исходят из более широкого понимания термина «доктрина», что очевидно при обращении к многим материалам судебной практики, отражающим рассмотрение вопросов, не в полной мере урегулированных нормами российского законодательства или же урегулированных, но носящих во многом спорный характер.

Например, в Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека, подготовленном Верховным Судом РФ, была отмечена позиция, в рамках которой отмечены различия между договаривающимися государствами с точки зрения права обычаев, доктринальных концепций, а также судебных решений и постановлений [Обзор]. Это обстоятельство придаёт доктрине определённый правовой вес, причём вполне конкретно отграничивая доктрину от права.

Но опять же, доктрина доктрине рознь. Если научная доктрина обязательных положений не содержит, то доктрина, утверждённая субъектами, наделёнными властью, например, Военная доктрина, является строго обязательным документом, поскольку отражает не только официальные взгляды, но и обязательные требования [10, с. 109].

Особенно интересны для уяснения сущности доктрины материалы судебной практики. Так, Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд упомянул в одном из своих постановлений «ряд доктринальных источников», среди которых были научные статьи, представленные в периодических юридических изданиях, учебники учебные пособия, материалы научно-практических конференций. Исходя из этого, суд рассматривал вопрос о тождестве исков [4].

В рамках другого дела Арбитражный суд Северо-Кавказского округа «счел необходимым обратиться и к доктрине гражданского права», ссылаясь при этом на «доктринальные источники» [3].

Интересно, что Девятый арбитражный апелляционный суд так же обращался к доктрине, причём в категории доктринальных источников он перечислил не только статьи профессоров, на которые ссылался ответчик, но и акты экспертиз и заключения специалистов [5].

Частое обращение к доктринальным источникам обусловлено в том числе, отсутствием прямого законодательного запрета ссылаться на них, в частности, при подготовке заключений экспертиз [6]. Это означает и возможность суда также ссылаться на доктринальные источники.

Заключение

Подводя итог, можно отметить двойственность понятий «доктрина» и «доктринальный источник» в силу именованья отдельных НПА доктриной и научно-теоретических трудов (диссертаций, научных статей, монографий, учебников и пр.), отражающий определенные взгляды не отдельные правовые вопросы. И если относительно первых сомнений нет – они однозначно являются

ориентирами в разрешении юридических ситуаций, по вторые ставятся под сомнение.

Однако, законодательство прямо не запрещает ссылаться на доктринальные источники, представленные научной (научно-теоретической) литературой, поэтому их вполне уместно использовать как некоторый ориентир при разрешении спорных ситуаций, которые не получили правового регулирования в законодательных или подзаконных НПА.

Субъектам, осуществляющим регулирование судопроизводства, есть необходимость уточнить круг признаков, при наличии которых источник может быть отнесен к категории доктринальных, которые могут использоваться судами в качестве ориентира при неурегулированности определённых аспектов. Ориентироваться в этом случае целесообразно на показатели цитирования.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 31.07.2022 № 512 (ред. от 13.08.2024) «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 31. Ст. 5699.
2. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 10 (2020) (подг. Верховным Судом РФ) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28.04.2025 по делу № А53-13577/2024 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/1312673101> (дата обращения: 19.02.2025).
4. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.09.2020 по делу № А32-23557/2018 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/565725457> (дата обращения: 19.02.2025).

5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.12.2020 по делу № А40-77884/2020 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/573318258> (дата обращения: 19.02.2025).
6. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 25.12.2023 по делу № А40-274839/2022 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/1304497809> (дата обращения: 19.02.2025).
7. Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. 28 с.
8. Латынин О.А. К вопросу об определении понятия правовой доктрины и соотношение правовой доктрины с близкими понятиями // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 4. С. 44–49.
9. Мхитарян Л.Ю., Мхитарян А.С. Роль доктрины в системе источников права России // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 6 (144). С. 90.
10. Пенжалиев З.Г. К вопросу о правовом статусе Военной доктрины Российской Федерации // Право: история и современность. 2020. № 4 (13). С. 108–115.
11. Слободчиков В.И. Национальная доктрина образования РФ: статус и смысл // Народное образование. 2022. № 4 (1493). С. 25–27.
12. Шаханов В.В. Юридическая доктрина как правовой метафеномен и источник права // Право и современные государства. 2023. № 4. С. 25–33.

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 31.07.2022 № 512 (red. ot 13.08.2024) «Ob utverzhdenii Morskoj doktriny` Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2022. № 31. St. 5699.

2. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 10 (2020) (подг. Верховным Судом РФ) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28.04.2025 по делу № А53-13577/2024 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/1312673101> (дата обращения: 19.02.2025).
4. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.09.2020 по делу № А32-23557/2018 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/565725457> (дата обращения: 19.02.2025).
5. Постановление Деятого арбитражного апелляционного суда от 17.12.2020 по делу № А40-77884/2020 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/573318258> (дата обращения: 19.02.2025).
6. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 25.12.2023 по делу № А40-274839/2022 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/1304497809> (дата обращения: 19.02.2025).
7. Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. 28 с.
8. Латынин О.А. К вопросу об определении понятии правовой доктрины и соотношении правовой доктрины с близкими понятиями // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 4. С. 44–49.
9. Мхитарян Л.Ю., Мхитарян А.С. Роль доктрины в системе источников права России // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 6 (144). С. 90.
10. Пензалиев З.Г. К вопросу о правовом статусе Военной доктрины Российской Федерации // Право: история и современность. 2020. № 4 (13). С. 108–115.
11. Слободчиков В.И. Национальная доктрина образования РФ: статус и смысл // Народное образование. 2022. № 4 (1493). С. 25–27.

12. Shaxanov V.V. Yuridicheskaya doktrina kak pravovoj metafenomen i istochnik prava // Pravo i sovremenny'e gosudarstva. 2023. № 4. S. 25–33.